

СТАТТЯ НОМЕРА

В.П. ЕМЕЛЬЯНОВ

докт. юрид. наук, проф.

Национальный университет внутренних дел

УДК 343

ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Рассмотрены концептуальные аспекты исследования объекта преступлений. Показано, что ни общественные отношения, ни блага и ценности, ни люди не могут выступать во всех случаях в качестве объекта преступных посягательств; предложено в качестве универсальной категории, которая охватывает все охраняемые уголовным законом объекты, считать категорию «сферы жизнедеятельности людей».

Учение об объекте преступления - это краеугольный камень отечественной уголовно-правовой науки, однако, как ни парадоксально, именно в этом вопросе меньше всего проявляют единства взглядов его исследователи. Безусловно, все согласны, что объект преступления - это то, на что посягает преступное деяние, чему оно причиняет или может причинить вред. Но на этом всякое единство и заканчивается. Вопрос же о том, чему именно преступное деяние причиняет или может причинить вред, является одним из самых спорных. В настоящее время в отечественной науке уголовного права существует два диаметрально противоположных концептуальных подхода к проблеме объекта. Согласно одной концепции, объектом преступлений являются блага, ценности, интересы, согласно другой - совокупность общественных отношений. Обе концепции имеют свои исторические корни и современных последователей.

Признание общественных отношений объектом преступных посягательств до недавнего времени считалось в нашей науке единой и единственной точкой зрения. Впервые эту концепцию как «искусственную конструкцию» с «ярко выраженным идеологическим подходом» к понятию объекта преступления подверг резкой критике С.Б. Гавриш. По его мнению, с позиции теории объекта как общественного отношения получается, что уголовное право якобы «охраняет не материальные ценности и блага, жизнь, здоровье, природную среду и др., а наоборот, некую форму их проявления, те или иные связи между субъектами отношений» [1, с.28], тогда как в

действительности таковым охраняемым объектом является «правовое благо» как «определенная ценность» [1, с.64-65]. И.В. Самощенко, считая, что «идея объекта как поставленных под охрану закона общественных отношений, чрезмерно усложнена, а подчас и надумана в силу того идеологического фактора, который был положен в ее основу», полагает, что «наиболее удачным представляется то понимание объекта преступления, которое достигается посредством объяснения через категорию «интерес» [2, с.114].

Признание в качестве объекта преступления не общественных отношений, а охраняемых законом ценностей, интересов, благ, против которых направлено преступное деяние и которым оно причиняет или может причинить вред, имеет место и в учебниках по Общей части уголовного права, подготовленных учеными из Киева [3, с.123-132] и учеными Московского университета [4, с.207-210].

Правда, и среди сторонников концепции объекта преступления как общественного отношения с самого начала ее существования единство мнений наблюдается лишь в части провозглашения общего постулата. «Однако, - отмечает В.К. Глистин, - общий постулат ничуть не мешает давать самую разнообразную характеристику структуры общественного отношения, а при определении непосредственного объекта преступления общественные отношения начинают «исчезать», подменяться, чаще всего «интересами» [5, с.84].

А.А. Пионтковский, будучи основателем теории объекта как общественного отношения, вместе с тем

утверждал, что непосредственный объект «может быть общественным отношением, но в большинстве случаев им не является» [6, с.142].

В целом, в уголовно-правовой науке сложилась такая ситуация, что общественные отношения как универсальный объект преступления получили постоянную «прописку» лишь в исследованиях по Общей части уголовного права. Что же касается исследований в области Особенной части уголовного права, то в них, как правило, либо делаются «дежурные» упоминания об общественных отношениях, а затем следует рассмотрение по существу действительного непосредственного объекта преступления, либо вообще ставится знак равенства между общественными отношениями и конкретными благами и ценностями как объектами преступлений, и общественные отношения упоминаются в качестве некоего «вторичного» объекта. Так, П.В. Замосковцев, исследуя вопросы уголовной ответственности за посягательства на управленческую деятельность работников милиции и народных дружинников, указывает, что «объект данных преступлений определяется ... как порядок управления, совокупность общественных отношений, обеспечивающих порядок управления» [7, с.4], а В.В. Мальцев утверждает, что объектом терроризма выступает «общественная безопасность (отношения, обеспечивающие безопасность неопределенно большого числа членов общества)» [8, с.106]. Но если порядок управления и безопасность как объекты преступления ничем не отличаются от общественных отношений по поводу их обеспечения, то для чего нужны здесь эти «реверансы» в адрес общественных отношений? Правда, чаще всего при рассмотрении конкретных составов об общественных отношениях порой вообще ничего не говорится, а просто исследуется непосредственный объект: жизнь, здоровье, деятельность, система, условия и т.д. Причем последнее наиболее характерно для учебной литературы и научно-практических комментариев к Уголовным кодексам, к тому же для всего периода существования рассматриваемого постулата.

В частности, в изданном в 1939 году учебнике «Уголовное право. Особенная часть» (авторы А.А. Пионтковский, А.А. Герцензон, А.Н. Трайнин, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев и другие видные ученые) вообще нет ни единого упоминания об общественных отношениях как объекте преступления, напротив, в качестве объектов преступных посягательств указываются конкретные реалии действительности: диктатура рабочего класса, рабочий класс и революционное движение, порядок управления, жизнь, здоровье, имущество и т.д. [9].

И в настоящее время даже самые активные приверженцы этого постулата нередко «забывают» о нем при рассмотрении объектов конкретных преступлений. Так, в учебнике по Особенной части уголовного права Украины, подготовленном учеными Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого и изданном в 2001 году, в общем количестве указаний на объект преступления

упоминания об общественных отношениях отсутствуют где-то в 46 % случаях [10], а в Особенной части учебника «Уголовное право Украины», подготовленном учеными Одесского Национального университета им. И.И. Мечникова и изданном в 2002 году, в общем числе указаний на объект преступления лишь в 14 % случаях присутствуют упоминания об общественных отношениях [11].

И это вполне естественно, поскольку упоминание об общественных отношениях при рассмотрении конкретных преступлений никакой дополнительной смысловой нагрузки не несет, а лишь загромождает фразу излишними словами. В самом деле, зачем в качестве объекта преступления называть «общественные отношения в сфере обеспечения чего-то», когда в действительности таковыми выступают «сфера чего-то» или «что-то».

В настоящее время с исчезновением идеологической подпорки в виде интересов господствующего класса отпала и необходимость в существовании искусственно созданного постулата, и уже нет «никаких оснований для повседневного обращения правоведа к такой высокой философской категории, как общественные отношения, а особенно для оперирования ею при определении объекта преступления» [12, с.71].

Что же касается уголовно-правовых норм, то никогда, ни в каком Уголовном кодексе того или иного государства (даже социалистического) общественные отношения не назывались и не называются в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Но что тогда является непосредственным объектом преступления? Еще С.В. Познышев обращал внимание, что «Объектом преступления может считаться лишь то, что служит, так сказать мишенью для преступника, уничтожается, видоизменяется, так или иначе, словом страдает от деяния преступника» [13, с.53]. Но может ли страдать от конкретного преступного деяния общественное отношение? Как показали сами сторонники этой концепции, если и страдает как-то общественное отношение, то, так сказать, «рикошетом», во вторичном порядке, «заодно» с действительным непосредственным объектом, то есть фактически причинение вреда общественному отношению происходит не в реальной действительности, а в воображении исследователей, поскольку само общественное отношение есть научная абстракция. Это не могут отрицать и сами сторонники рассматриваемой концепции. Так, Б.С. Никифоров, признавая общим объектом преступлений общественные отношения, в то же время указывает, что «такое теоретически правильное понимание и определение объекта, тем не менее представляет собой содержательную абстракцию» [14, с.113]. В сущности ничего не меняет в данной ситуации и то, если, как это предлагает В.М. Трубников, общественные отношения назвать «социальной оболочкой» и представить их в виде первичного объекта преступных посягательств, а реальные объекты в виде вторичных объектов, находящихся внутри социальной оболочки [15].

Теоретически представить такое можно, но невозможно рассчитать реальный ущерб, причиненный общественным отношениям, которые В.М. Трубников называет социальной оболочкой. К тому же далеко не все объекты преступных посягательств даже теоретически можно включить в категорию «социальная оболочка». В.М. Трубников представил внутри социальной оболочки личность, человека, однако вряд ли возможно представить внутри социальной оболочки такие реально существующие и находящиеся под охраной уголовного закона жизненные реалии, как природная среда, воздушное пространство, море, воздух, земля, недра и т.п., которые существовали задолго до возникновения всякого рода социальных оболочек и в случае глобальных катаклизмов в одно мгновение вообще могут уничтожить всякий социум.

Но если общественные отношения есть категория абстрактная, то по своей природе, как и всякая мысленная модель, они нематериальны и бестелесны, а потому причинить реальный ущерб им невозможно. Реальный ущерб можно причинить лишь «определенной конкретной категории, воплощенной в реалиях окружающего мира» [1, с.60], в связи с чем для формулирования концепции объекта преступлений, заключает С.Б. Гавриш «наиболее полно этому отвечает формула «объект - правовое благо», удачно сочетающая в себе, с одной стороны, указания на специфику уголовного права (уголовная ответственность наступает лишь за посягательство на охраняемые уголовным законом блага), а с другой - указания на реальное благо, как охраняемую ценность» [16, с.15].

При всей реальности и конкретности теории объекта преступления как правового блага, все же не представляется возможным расценить ее как универсальную, в которую безоговорочно «вписываются» все без исключения охраняемые уголовным правом объекты, ибо само понятие «благо» тоже далеко не безгранично, и в энциклопедических словарях оно определяется следующим образом.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова - «Благо - 1. Добро, благополучие... 2. То, что дает благополучие, достаток, удовлетворяет потребности» [17, с.44].

В Советском энциклопедическом словаре - «Благо (философ.) то, что включает в себе определенный положительный смысл. С конца 19 в. понятие Б. вытесняется понятием ценности» [18, с.144].

В Философском энциклопедическом словаре - «Благо в этике и философии, то, что включает в себе определенный положительный смысл. ...В дальнейшем понятие Б. постепенно утрачивает свое значение и с середины 19 в. вытесняется понятием ценности. В более узком, собственно этическом смысле слова понятие Б. синонимично понятию добра» [19, с.55].

То есть благо - это то, что удовлетворяет потребности, является ценным и ассоциируется с добром. Но все ли охраняемые уголовным законом реалии

могут быть охвачены такой формулой? В этой связи представляются примечательным следующее высказывание С.В. Познышева: «Преступление прежде всего есть посягательство. ...Посягательство это, чтобы быть преступлением должно быть направлено на какой-либо объект, охраняемый уголовным законом, как благо, того заслуживающее. То, что законодатель считает благом, может быть вовсе не благо или составляет благо лишь одной группы граждан, а для других является злом, и с точки зрения общегосударственных интересов не могло бы быть оправдано. Но все-таки, пока существуют уголовные законы, его охраняющие, посягательство на него будет преступлением» [20, с.101].

По-видимому, благом можно считать лишь то, что является неоспоримой ценностью во всеобщем понимании, что никем не ставится под сомнение как что-то позитивное и полезное.

Не вызывает сомнения отнесение к категории «благо» таких реалий действительности, как жизнь, здоровье, свобода, достоинство, безопасность человека, его имущественное положение и социальный статус. В то же время представляется далеко не безупречным отнесение к категории «благо», к примеру, деятельности тюремной системы, посягательства на которую преследуются в уголовном порядке. Это вынужденный атрибут государственной власти, который вряд ли можно назвать благом для человека и человечества. Фашистский и иной тоталитарный политический режим возводится в ранг блага его вдохновителями и воспринимается как таковое одной частью населения страны, но не воспринимается как благо другой частью населения страны и всеми демократическими государствами, а, напротив, расценивается как зло, подлежащее уничтожению. Но пока этот режим существует, он будет охраняться уголовным законодательством данного государства, несмотря на то, что весь остальной мир назвал это государство «империей зла». Нельзя сбрасывать со счетов и те ситуации, когда уголовное законодательство продолжает охранять те категории и условия действительности, которые давно уже не соответствуют представлениям о благе, служат лишь тормозом в общественном развитии и требуют скорейшего изменения и декриминализации. Таким образом, категорией «благо» невозможно охватить всех реалий действительности, охраняемых уголовным правом и выступающих в качестве непосредственного объекта преступных посягательств. В частности, Б.С. Утевский под объектом преступления понимал «тот интерес, те общественные отношения, те блага, которые охраняются уголовным законом» [21, с.292]. То есть, по мысли Б.С. Утевского, круг объектов преступных посягательств не исчерпывается благами, однако вряд ли верно будет к непосредственным объектам конкретного преступления причислять общественные отношения и интересы.

Как было показано выше, общественные отношения как научная абстракция не могут реально понести ущерба от преступного деяния. Вопрос о

том, могут ли быть интересы непосредственным объектом преступного посягательства, очевидно, тоже должен решаться посредством уяснения понятия категории «интерес».

Философский энциклопедический словарь, давая понятие социального интереса, указывает, что это «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями - мотивами, помыслами, идеями и т.д. - участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [19, с.213].

Советский энциклопедический словарь определяет интерес следующим образом: «Интерес - (от лат. interest - имеет значение, важно), 1) реальная причина социальных действий, лежащая в основе непосредственных побуждений - мотивов, идей и т.п. - участвующих в них индивидов, социальных групп, классов; 2) (Психол.) отношение личности к предмету как к чему-то для нее ценному, привлекательному» [18, с.495]

То есть интерес - это не само явление, действие, событие, а лишь причина, психологическое основание таковых, отношение к ним, и вне связи с ними существовать не может, потому посягнуть непосредственно на интерес невозможно; в действительности посягательство происходит на те реалии, в которых есть чья-то заинтересованность. Таким образом, интерес может быть нарушен не прямо и непосредственно, а косвенно и опосредованно в результате посягательства на конкретные субстанции реальной действительности. Причем, если согласно определению, данному Философским энциклопедическим словарем, интерес стоит «за непосредственными побуждениями - мотивами, помыслами, идеями», то по Советскому энциклопедическому словарю он есть причина, «лежащая в основе» непосредственных побуждений, то есть не только находится вне самого события, но еще и отделен от него промежуточным звеном в виде мотивов, идей и т.п.

Но если общественные отношения и интересы не могут быть непосредственными объектами реальных преступлений, а категорией «благо» охватить все объекты невозможно, то, естественно, возникает необходимость в установлении такой обобщающей категории. И этой категорией, как представляется, может быть сам человек с его личными благами, средой обитания, созданными им общественными установлениями и правовыми нормами. «Объектом преступления, - подчеркивал А.Ф. Кистяковский, - может быть, вообще говоря, только человек со всеми правами, учреждениями, которые им как существом общественным создаются. Посему кроме жизни, здоровья, свободы, чести, как более или менее основных объектов преступления, так сказать, созданных самою природою, таковыми являются также вещи, животные, даже известный строй мыслей» [22, с.280]. Современный исследователь Г.П. Новоселов, основываясь на том, что от преступления всегда страдают люди, делает вывод, что объектом каждого преступления выступают люди - индивиды или их малые или большие группы (объединения)

либо в целом общество (социум) [23, с.53-64]. Это в целом верное представление об объекте преступления нуждается в некотором уточнении, поскольку не всякое преступление посягает непосредственно на человека, оно может причинить вред ему опосредованно, посредством воздействия на условия его жизни и среду обитания. Совершая преступление, виновное лицо непосредственно посягает не только на людей, но и на те или иные разновидности, аспекты, проявления жизни, деятельности человека, коллективов, общества, их безопасность, условия существования и функционирования, то есть на охраняемые уголовным законом конкретные *сферы жизнедеятельности людей*, которые и выступают в качестве непосредственных объектов преступлений как реальных явлений действительности. Объектами преступного посягательства могут быть жизнь, здоровье, достоинство личности, природная среда, общественные и государственные установления, их деятельность, условия функционирования и т.д., в общем-то, что существует в реальной действительности, конкретно осязаемого и чему может быть причинен реальный ущерб, поддающийся достоверному определению и оценке, и что взято под охрану уголовного закона, независимо от того, каково к этому отношению тех или иных слоев населения. Такое понимание объекта неоднократно выражалось автором настоящей статьи в соответствующих его публикациях [24, с.222; 25, с.177-178] и имеет, как представляется, не только научную, но и официальную государственную основу. В частности, Концепция (основы государственной политики) национальной безопасности Украины, одобренная Постановлением Верховной Рады Украины от 16 января 1997 г. № 3/97-ВР, в разделе II «Национальные интересы Украины» указывает: «Национальные интересы Украины отражают фундаментальные ценности и стремления Украинского народа, его потребности в достойных условиях *жизнедеятельности*, а также цивилизованные пути их создания и способы удовлетворения», а раздел III «Угрозы национальной безопасности Украины» начинается со слов: «Основные возможные угрозы национальной безопасности Украины в наиболее важных *сферах жизнедеятельности*» [26]. Преамбула Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24, начинается со слов: «Концепция национальной безопасности Российской Федерации (далее именуется - Концепция) - система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех *сферах жизнедеятельности*» [27, 28].

Таким образом, универсальной категорией, которая способна охватить собой все без исключения охраняемые уголовным законом реальные объекты, может выступать категория «сферы жизнедеятельности людей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриш С.Б. Уголовно-правовая охрана природной среды Украины. Проблемы теории и развитие законодательства. -Харьков: Основа, 1994. -640с.
2. Самощенко И.В. Ответственность за угрозу по уголовному праву Украины (понятие, виды, спорные проблемы). Диссертация ... канд. юрид. наук. -Харьков, 1997. -222 с.
3. Кримінальне право України. Загальна частина: Підруч. /Г.В. Андрусів, П.П. Андрушко, В.В. Бенківський та ін.; За ред. П.С. Матишевського та ін. -К.: Юрінком Інтер, 1997. -512 с.
4. Курс уголовного права. Общая часть. -Т.1: Учение о преступлении: Учебник /Под ред. Н.Ф. Кузнецовой И.М. Тяжковой. -М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. -592 с.
5. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). -Л.: ЛГУ, 1979. -128 с.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. -М.: Госюриздат, 1961. -666 с.
7. Замосковцев П.В. Уголовная ответственность за посягательства на управленческую деятельность работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка: Учебное пособие. -Омск: Омская высшая школа милиции, 1980. -56 с.
8. Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. -1998. -№ 8. -С.104-107.
9. Уголовное право. Особенная часть /Ред. А.А. Герцензон и А.А. Пионтковский. -М.: Юриздат НКЮ СССР, 1939. -528 с.
10. Кримінальне право України. Особлива частина: Підручник /М.І.Бажанов, В.Я. Тацій, В.В. Сташис, І.О. Зінченко та ін.; За ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташис, В.Я. Тація. -К.: Юрінком Інтер; -Х.: Право, 2001. -496 с.
11. Уголовное право Украины. Общая и Особенная части: Учебник /Под ред. Е.Л. Стрельцова. -Х.: Одиссей, 2002. -672 с.
12. Кривуля О.М., Куц В.М. Чи можуть бути суспільні відносини об'єктом злочину? // Вісник університету внутрішніх справ. -1997. -№ 2. -С.70-75.
13. Познышев С. В. Учебник уголовного права. I. Общая часть. -М.: Юриздат наркомюста, 1923. -280с.
14. Никифоров Б.С. Объект преступления. -М.: Госюриздат, 1960. -230 с.
15. Трубников В.М. Новый взгляд на объект преступления // Право і безпека. -2002. -№ 1. -С.81-87.
16. Гавриш С.Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений // Право и политика. -2000. -№ 11. -С.4-15.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю. Шведовой. -М.: Русский язык, 1985. -797с.
18. Советский энциклопедический словарь /Гл. ред. А.М. Прохоров. -М.: Советская энциклопедия, 1985. -1600 с.
19. Философский энциклопедический словарь /Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Папов. -М.: Советская энциклопедия, 1983. -840 с.
20. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. -М., 1907. -Вып. Первый. -122 с.
21. Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. -М.: Юриздат Минюста СССР, 1948. -440 с.
22. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник уголовного права. Часть Общая. -Киев: Изд-е Книгопродавца-Издателя Ф.А. Иогансона, 1891. -850 с.
23. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: Методологические аспекты. -М.: НОРМА, 2001. -160 с.
24. Емельянов В.П. Терроризм - как явление и как состав преступления. -Харьков: Право, 1999. -272 с.
25. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. -291 с.
26. Постановва Верховної Ради України "Про Концепцію (основи державної політики) національної безпеки України" від 16 січня 1997 р., № 3/97-ВР // ВВР України. -1997. -№ 10. -Ст. 85.
27. Указ Президента РФ «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г., № 1300 // Российская газета. -1997. -№ 247.
28. Российская газета. -2000. -№ 11.

Поступила в редколлегию 02.12.2002

ЕМЕЛЬЯНОВ В.П. ПОНЯТТЯ ОБ'ЄКТА ЗЛОЧИНІВ У КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВІЙ НАУЦІ

Розглянуто концептуальні аспекти дослідження об'єкта злочинів. Показано, що ні суспільні відносини, ні блага і цінності, ні люди не можуть виступати у всіх випадках як об'єкт злочинних зазіхань; запропоновано як універсальну категорію, що охоплює всі охоронювані кримінальним законом об'єкти, вважати категорію "сфери життєдіяльності людей".

EMEL'JANOV V.P. CONCEPT OF CRIMES OBJECT IN CRIMINAL-LEGAL SCIENCE

The conceptual aspects of research of object of crimes are reviewed. It is rotund, that neither public attitudes, nor value and value, the people can not act in all cases as object of the criminal trespasses; it is offered as a general-purpose category, which one encompasses all objects, guarded by the criminal law, to consider a category "orbs of habitability of the people".